

дом».³⁵ Оно возникло в то время, когда византийское общество было охвачено волнением из-за церковных споров по поводу учения Григория Паламы о «Фаворском свете» и «Божественных энергиях». В духе этих идей в соответствии, по его собственным словам, с учением Дионисия Ареопагита,³⁶ Филофей вкладывает в понятие «Премудрости» идею «Промысла», как «действия всей единосущной и нераздельной Троицы», но прилагает это к «Сыну в особенности», в связи с его воплощением и установлением таинства евхаристии.³⁷ Под «домом», как и другие толкователи, Филофей подразумевает человеческую телесность, воспринятую Словом, — «храм свой телесный из непорочных кровей и плоти всесвятой девы Богородицы созданный»,³⁸ или же, — как он говорит далее — «под домом можем разуметь Богородительницу, святую Деву и Матерь ипостасной Мудрости бога Слова».³⁹ Интересно, что «семь столпов» Филофей толкует то как семь дарований св. духа,⁴⁰ то эсхатологически, как время «настоящей жизни ... протекающей в седмицах дней ... от создания мира до окончания».⁴¹ Слова «заколола свои жертвы» Филофей, в отличие от других толкователей, видевших в жертвах пророков и мучеников, понимает как добровольную жертву Иисуса Христа, «ибо сам Он — и дом свой и жертва, жертвователъ и, как бог, принимающий жертву».⁴² Наконец, в «уготованной трапезе» и «растворенном вине» Филофей видит «ту таинственную трапезу и вечерю, на которой Христос вечером, перед ночью страданий, угощал учеников своих»,⁴³ т. е. прямо связывает это с таинством евхаристии: «И под чашею всего лучше разуметь здесь самые ребра Спасителя, в которых сверхъестественным образом смешались кровь и вода».⁴⁴

Таковы ранние толкования Софии — Премудрости, которые хронологически предшествовали созданию волотовской фрески или были современны ей. Близость идей, умонастроений и непосредственные общения (путешествия, паломничества, патриаршие грамоты и т. п.), которыми был объединен в XIII—XIV вв. византийско-славяно-русский мир,⁴⁵ могли дать идейную основу для волотовской росписи.

В России линию понимания Премудрости как второго лица Троицы — Логоса продолжили Зиновий Отенский (XVI в.), написавший «Сказание известно, что есть Софеи Премудрость божия»,⁴⁶ и Иоанникий Лихуд (нач. XVIII в.) в сочинении: «Слово торжественное» о Софии — Премудрости божией.⁴⁷ Целью этих сочинений было истолковать именно в этом смысле образ Софии, изображенной в виде огненного ангела

³⁵ Епископ Арсени Филофея, патриарха константинопольского три речи к епископу Игнатию с объяснением изречения притчи «Премудрость созда себе дом» и проч. (Греческий текст и русский перевод), Новгород, 1898.

³⁶ J. Meyendorff. *L'iconographie*, p. 262.

³⁷ Еп. Арсений. Филофея, патриарха константинопольского, три речи, стр. 101, 103, 109 и др.

³⁸ Там же, стр. 110.

³⁹ Там же, стр. 118.

⁴⁰ Там же, стр. 114.

⁴¹ Там же, стр. 112.

⁴² Там же, стр. 122.

⁴³ Там же, стр. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 124.

⁴⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV вв.) М.—Л., 1962, стр. 15, 30—39.

⁴⁶ А. И. Никольский. София Премудрость божия. — Вестник археологии и истории, изд. Археолог ин-том, вып XVII, СПб., 1906, приложение III, стр. 92, 94 и др.

⁴⁷ М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб., 1899, приложение, стр. 16 и др.